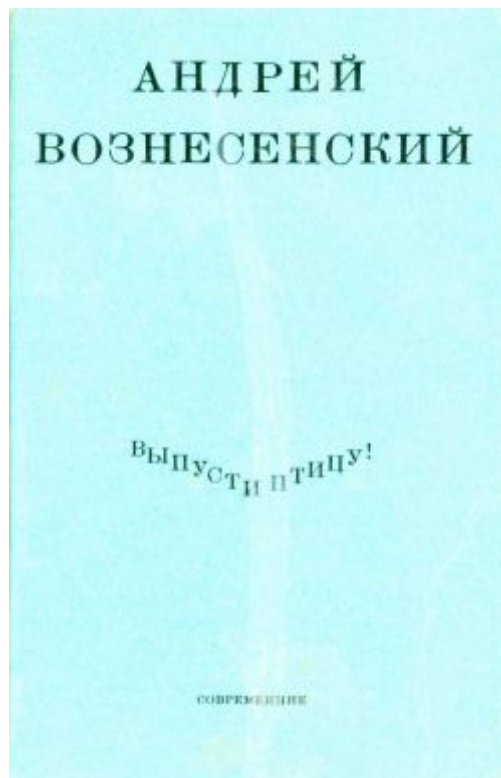

Выпусти птицу!-Андрей Вознесенский

Андрей Вознесенский

Выпусти птицу!

Стихи и поэмы

НЕБОМ ЕДИНЫМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Сначала

Достигли ли почестей постных, рука ли гашетку нажала, в любое мгновение не поздно – начните сначала! «Двенадцать» часы ваши пробили, но новые есть обороты. Ваш поезд расшибся. Попробуйте летать самолетом! Вы к морю выходите запросто, спине вашей зябко и плоско, как будто отхвачено заступом и брошено к берегу прошлое. Не те вы учили алфавиты, не те вас кимвалы манили. Иными их быть не заставите – ищите иные. Так Пушкин порвал бы, услышав, что не ядовиты анчары, великое четверостишье. И начал сначала. Начните с бесславья, с безденежья. Злорадствует пусть и ревнует бывшая твоя и нездешняя – начните иную! А прежняя будет товарищем. Не ссорьтесь. Она вам родная. Безумие с ней расставаться. Однако вы прошлой любви не гоните, вы с ней поступите гуманно – как лошадь ее пристрелите. Не выжить. Не надо обмана.

Бобровый плач

Я на болотной тропе вечерней встретил бобра. Он заплакал вхлюп. Ручкой стоп-крана торчал плачевно красной эмали передний зуб. Вставши на ласты, наморщась жалко (у них чешуйчатые хвосты), хлещет усатейшая русалка. Ну, пропусти! Ну, пропусти! Метод нашли, ревуны коварные. Стоит затронуть их закуток, выйдут и плачут перед экскаватором – экскаваторщик наутек! Выйдут семейкой, и лапки сложат, и заслонят от мотора кров. «Ваша сила – а наши слезы. Рев – на рев!» В глазках старенького ребенка слезы стоят на моем пути. Ты что – уличная колонка? Ну, пропусти, ну, пропусти! Может, рыдал, что вода уходит? Может, иное молил спасти? Может быть, мстил за разор угодий? Слезы стоят на моем пути. Что же коленки мои ослабли? Не останавливали пока ни телефонные Ярославны, ни бесноватые вопли царька. Или же заводи и речишник вышли дорогу не уступать, вынесли плачущий Образ Пречистый, чтоб я опомнился, супостат? Будьте бобры, мои годы и доли, не для печали, а для борьбы, встречные плакальщики укора, будьте бобры, будьте бобры! Будьте бобры, как молчит без страха совесть, ослепшая спозарань, слезоточивая демонстрантка – «Но пасаран! Но пасаран!»[1] Непреступаемая для поступи, преступаемая стезя, преступаемая – о господи! – преступаемая слеза... Я его крыл. Я дубасил палкой. Я повернулся назад в сердцах. Но за спиной моей новый плакал – непроходимый дурак в слезах.

Песня сингапурского шута

Оставьте меня одного, оставьте, люблю это чудо в асфальте, да не до него! Я так и не побыл собой, я выполняю через секунду людскую мою синекуру. Душа побывает босой. Оставьте меня одного, без нянек, изгнанник я, сорванный с гаек, но горше всего, что так доживешь до седины под пристальным сплетневым оком то «вражьих», то «дружеских» блоков... Как раньше сказали бы – с богом оставьте один на один. Свидетели дня моего, вы были при спальне, при родах, на похоронах хороводом. Оставьте меня одного. Оставьте в чащобе меня. Они не про вас, эти слезы. Душа наревется одна – до дна! – где кафельная береза, положенная у пня, омыта сияньем белесым. Гляди ж – отыскалась родня! Я выйду, ослепший как узник, и выдам под хохот и вой: «Душа – совмещенный санузел, где прах и озноб душевой. Поэты и соловьи поэтому и священны, как органы очищенья, а стало быть, и любви».

Васильки Шагала

Лик Ваш – серебряный как алебарда. Жесты легки. В Вашей гостинице аляповатой в банке спрессованы васильки, Милый! вот что Вы действительно любите, с Витебска ими раним и любим. Дикорастущие сорные тюбики с дьявольски выдавленным голубым! Сырый цветок из породы репейников, но его синий не знает соперников. Марка Шагала, загадка Шагала – рупь у Савеловского вокзала! Это росло у Бориса и Глеба в хохоте нэпа и чебурек. Во поле хлеба – чуточку неба. Небом единым жив человек. В них витражей голубые зазубрины с чисто готической тягой вверх. Поле любимо – но небо возлюблено. Небом единым жив человек. В век ширпотреба нет его, неба. Доля художников хуже калек. Давать им сребреники нелепо – небом единым жив человек. Как занесло васильковое семя на Елисейские на поля? Как заплетали венок Вы на темя Гранд Опера, Гранд Опера! В небе коровы парят и ундины. Зонттик возьми, выходя на проспект. Родины разны – небо едино. Небом единым жив человек. Ваши холсты из фашистского бреда за Пиренеи несли через снег. Свернуто в трубку запретное небо, но только небом жив человек. Не протрубили трубы господни над катастрофою мировой – в трубочку свернутые полотна воят архангельскою трубой!.. Кто целовал твое поле, Россия, пока не выступят васильки? Твои сорняки всемирно красивы, хоть экспортируй их, сорняки. С поезда выйдешь – как окликают! По полю дрожь. Поле прищипорено васильками, как ни уходишь – все не уйдешь... Вечером выйдешь – будто захварываешь, во поле углические зрачки. Ах, Марк Захарович, Марк Захарович, все васильки, все васильки... Не Иегова, не Иисусе, ах, Марк Захарович, нарисуйте непобедимо синий завет – Небом Единым Жив Человек.

Петрарка

Не придумано истинней мига, чем раскрытые наугад – недочитанные, как книга, – разметаившись, любовники спят.

«Не возвращайтесь к былым возлюбленным...»

* * * Не возвращайтесь к былым возлюбленным. Былых возлюбленных на свете нет. Их дубликаты – как домик убранный, Где они жили немного лет. Вас встретят лаем собачка белая, и расположенные на холме две рощи – правая, а позже левая – повторят лай про себя во мгле. Два эха в рощах живут раздельные, как будто в стереоколонках двух. Все, что ты сделаешь, что я наделаю, – они разносят по свету вслух. А в доме эхо уронит чашку, ложное эхо предложит чай, ложное эхо оставит на ночь, когда ей надо бы закричать: «Не возвращайся ко мне, возлюбленный. Мы были раньше. Меня здесь нет, две изумительные изюминки хоть и расправятся тебе в ответ...» А завтра вечером, на поезд следуя, вы в речку выбросите ключи. И роща правая, и роща левая вам вашим голосом прокричит: «Не оставляйте своих возлюбленных! Былых возлюбленных на свете нет...» Но вы не выслушаете совет.

Выпусти птицу!

Что с тобой, крашенная, послушай? Модная прима с прядью плакучей, бросишь купюру – выпустишь птицу. Так что прыщами пошла продавщица. Деньги на ветер, синь шебутная! Как щебетала в клетке из тиса та аметистовая четвертная – «Выпусти птицу!» Ты оскорбляешь труд птицелова, месячный заработок свой горький и «Геометрию» Киселева, ставшую рыночную оберткой. Птица тебя не поймет и не вспомнит, люд сматерится, будет обед твой – булочка в полдник, ты понимаешь? Выпусти птицу! Птице пора за моря вероломные, пусты лимонные филармонии, Пусть не себя – из неволи и сытости выпусти, выпусти... Не понимаю, но обожаю бабскую выходку на базаре. «Ты дефективная, что ли, деваха? Дура – де-юре, чудо – де-факто!» Как ты ждала ее, красотулю! Вымыла и горнице половицы. Ах, не латунную, а золотую!.. Не залетела. Выпусти птицу! Мы третьи сутки с тобою в раздоре, чтоб разрядиться, выпусти сладкую пленницу горя, выпусти птицу! В руки синица – скучная сказка, в небо синицу! Дело отлова – доля мужская, женская доля – выпустить птицу... ..Наманикюренная десница, словно крыло самолетное снизу, в огненных знаках над рынком струится, выпустив птицу. Да и была ль она, вестница чуждая?.. Вспыхнет на шляпе вместо гостинца, пятнышко едкое и жемчужное – память о птице.

У озера

Прибегала в мой быт холостой, задувала свечу, как служанка. Было бешено хорошо, и задуматься было ужасно!.. Я проснусь и промолвлю: «Да здррра- встует бодряя температура!» И на высохших после дождя громких джинсах – налет перламутра. Спрыгну в сад и окно притворю, чтобы бритва тебе не жужжала. Шнур протянется в спальню твою. Дело близилось к сентябрю. И задуматься было ужасно, что свобода пуста, как труба, что любовь – это самодержавье. Моя шумная жизнь без тебя не имеет уже содержания. Ощущение это прошло, прошуршавши по саду ужами... Несказано хорошо! А задуматься – было ужасно.

Сон

Мы снова встретились. И нас везла машина грузовая. Влюбились мы – в который раз! Но ты меня не узнавала. Меня ты привела домой. Любила и любовь давала. Мы годы прожили с тобой. Но ты меня не узнавала!

Старая фотография

Нигилисточка, моя прапракузиночка! Ждут жандармы у крыльца на вороных. Только вздрагивал, как белая кувшиночка, гимназический стоячий воротник. Страшно мне за эти лилии лесные, и коса, такая спелая коса! Не готова к революции Россия. Дурочка, разуй глаза. «Я – готова, отвечаешь, – это – главное...» А когда через столетие пройду, будто шейки гимназисток обезглавленных, вздрогнут белые кувшинки на пруду.

Разговор с эпиграфом

Александр Сергеевич, разрешите

представиться.

Маяковский

Владимир Владимирович, разрешите представиться! Я занимаюсь биологией стиха. Есть роли более пьедестальные, но кому-то надо за истопника... У нас, поэтов, дел по горло, кто занят садом, кто содокладом. Другие, как страусы, прячут головы, отсюда смотрят и мыслят задом. Среди идиотств, суеты, наветов поэт одиозен, порой смешон – пока не требует поэта к священной жертве Стадион! И когда мы выходим на стадионы в Томске или на рижские Лужники, вас понимающие потомки тянутся к завтрашним сквозь стихи. Колоссальнейшая эпоха! Ходят на поэзию, как в душ Шарко. Даже герои поэмы «Плохо!» требуют сложить о них «Хорошо!». Вы ушли, понимаемы процентов на десять. Оставались Асеев и Пастернак. Но мы не уйдем – как бы кто ни надеялся! – мы будем драться за молодняк. Как я тоскую о поэтическом сыне класса «Ан» и 707-«Боинга»... Мы научили свистать пол-России. Дай одного соловья-разбойника!.. И когда этот случай счастливый представится, отобью телеграммку, обкусав заусенцы: «Владимир Владимирович, разрешите преставиться. Вознесенский».

Диалог обывателя и поэта о Научно-технической революции

О: «Моя бабушка – староверка, но она – Научно-техническая революционерка. Кормит гормонами кабана. Научно-технические коровы следят за Харламовым и Петровым, и, прикрываясь ночным покрывом, Сексуал-революционерка Сударкина, в сердце, как в трусики безразмерки, умещающая полнаселения мужского, подрывает основы семьи, личной собственности и государства. Посыпай капусту дустом, не найдешь детей в капусте! Наш мозг загружен на десять процентов. Перспективы беспрецедентны, когда торжествующе вступит в работу на сто процентов мозг идиота! Душой замерев, как на лыжном трамплине! Явив площадям содержание в формах, прячт сексуальные героини, как памятники на гигантских платформах!..» П: «И все-таки это есть Революция – в умах, в быту и в народах целых. К двенадцати стрелки часов крадутся – но мы носим лазерные, без стрелок! Восхищенье Терпсихорой – сочетание с „Пепсиколой“. Я – попутчик Научно-технической революции. При всем уважении к коромыслам хочу, чтобы в самой дыре заваливающей был водопровод и движение мысли. За это я стану на горло песне, устану – коллеги поддержат за горло. Но певчее горло с дыхательным вместе, живу, не дыша от счастья и горя. И если для чрезвычайных мер Революция потребует одного чел. поэта – я – ЧП НТР!..» О: «С приветом!..» П: «При этом Скажу, вырываясь из тисков стиха, всем горлом, которым дышу и пою: „Да здравствует Научно-техническая, перерастающая в Духовную!“»

Монолог читателя на Дне поэзии 1999...

Четырнадцать тысяч пиитов страдают во мгле Лужников. Я выйду в эстрадных софитах – последний читатель стихов. Разинувши рот, как минеры, скажу в ликование: «Желаю прослушать Смурновых неопубликованное!» Три тыщи великих Смурновых захлопают, как орлы с трех тыщ этикеток «Минводы», пытаюсь взлететь со скалы, ревя, как при взлете в Орли. И хор, содрогнув батисферы, сольется в трехтысячный стих. Мне грянут аплодисменты за то, что я выслушал их. Толпа поэтессок минорно автографов ждет у кулис. Доходит до самоубийств! Скандирующие сурово, Смурновы, Смурновы, Смурновы, желают на «бис». И снова, как реквием служат, Я выйду в прожекторах, родившийся, чтобы слушать среди прирожденных орать. Заслуги мои небольшие, сутол и невнятен мой век, средь тысячей небожителей – единственный человек. Меня пожалеют и вспомнят. Не то, что бывал я пророк, а что не берег перепонки, как раньше гортань не берег. «Скажи в меня, женщина, горе, скажи в меня счастье! Как плачем мы, выбежав в поле, но чаще, но чаще, нам попросту хочется высвободить невысказанное, заветное... Нужна хоть кому-нибудь исповедь, как богу, которого нету!»

Я буду любезен народу не тем, что творил монумент – невысказанную ноту понять и услышать сумел.

Песнь вечерняя

Ты молилась ли на ночь, береза? Вы молились ли на ночь, запрокинутые озера, Сенеж, Свистязь и Нарочь? Вы молились ли на ночь, соборы Покрова и Успенья? Покурю у забора. Надо, чтобы успели. На лугах изумлявших запах автомобилей. Ты молилась, земля наша? Как тебя мы любили!

Скука

Скука – это пост души, когда жизненные соки помышляют о высоком. Искушением не греши. Скука – это пост души, это одинокий ужин, скучны вражьи кутежи, и товарищ вдвое скучен. Врет искусство, мысль скудна, Скучно рифмочек настырных. И любимая скучна, словно гладь по-монастырски. Скука – кладбище души, ни печали, ни восторга, все трефовые тузы распускаются в шестерки. Скукотища, скукота... Скука создавала Кука, край любезнейший когда опротивеет, «как сука!». Пост Великий на душе. Скучно зрителей кишевших, все духовное уже отдыхает, как кишечник. Ах, какой ты был гурман! Боль примешивал, как соус, в очарованный роман, аж посасывала совесть... Хохмой вывернуть тоску? Может, кто откусит ухо? Ку-ку! Скука. Помесь скуки мировой с русской скукой полосатой! Плюнешь в зеркало – плевок не достигнет адресата. Скучно через полпрыжка потолок достать рукою. Скучно, свиснув с потолка, не достать паркет ногою...

«Мама, кто тамверху – голенастенький...»

* * * «Мама, кто тамверху – голенастенький, руки в стороны – и парит?» – «Знать, инструктор лечебной гимнастики. Мир не в силах за ним повторить».

Похороны Гоголя Николая Васильича

I. Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...

Н. В. Гоголь. Завещание

I Вы живого несли по стране! Гоголь был в летаргическом сне. Гоголь думал в гробу на спине: «Как доносится дождь через крышу, но ко мне не проникнет, шумя, – отпеванье нелепое слышу, понимаю, что это меня. Вы вокруг меня встали в кольцо, наблюдая, с какою кручиной погружается нос мой в лицо, точно лезвие в нож перочинный. Разве я некрофил? Это вы! Любят похороны витии, поминают, когда мертвы, забывая, пока живые. Плоть худую и грешный мой дух под прощальные плачи волшебные заколачиваете в сундук, отправляя назад, до востребования». Летаргическая Нева, летаргическая немота – позабыть как звучат слова... II «Поднимите мне веки, соотечественники мои, в летаргическом веке пробудите от галиматии. Поднимите мне веки! Разбуди меня, люд молодой, мои книги читавший под партой, потрудитесь понять, что со мной. Нет, отходят попарно! Под Уфой затекает спина, под Одессой мой разум смеркается. Вот одна подошла, поняла... Нет – сморкается! Вместо смеха открылся кошмар Мною сделанное – минимально. Мне впивается в шею комар, он один меня понимает. Грешный дух мой бронирован в плоть, безучастную, как камень. Помогите мне подняться, господь, чтоб упасть пред тобой на колени». Летаргическая благодать, летаргический балаган – спать, спать, спать... «Я вскрывал, пролетая, гроба в предрассветную пору, как из складчатого гриба, из крылатки рассеивал споры. Ждал в хрустальных гробах, как в стручках, оробелых царевен горошины. Что достигнуто? Я в дураках. Жизнь такая короткая! Жизнь сквозь поры несется в верхи, с той же скоростью из стакана испаряются пузырьки недопитого мною нарзана». Как торжественно-страшно лежать, как беспомощно знать и желать, что стоит недопитый стакан! III «Из-под фрака украли исподнее. Дует в щель. Но в нее не просунуться. Что там муки господние перед тем, как в могиле проснуться!» Крик подземный глубин не потряс. Двое выпили на могиле. Любят похороны, дивясь, детвора и чиновничий класс,

как вы любите слушать рассказ, как Гоголя хоронили. Вскройте гроб и застыньте в снегу. Гоголь, скорчась, лежит на боку. Вросший ноготь подкладку прорвал сапогу.

ГДЕ БОЙНИ?

Анафема

Памяти Пабло Неруды

Лежите Вы в Чили, как в братской могиле. Неруду убили! Убийцы с натруженными руками подходят с искусственными венками. Солдаты покинули Ваши ворота. Ваш арест окончен. Ваш выигран раунд. Поэт умирает – погигла свобода. Погигла свобода – поэт умирает. Лежите Вы навзничь, цветами увитый, как Лорка лежал, молодой и убитый. Матильду, красивую и прямую, пудовые слезы к телу пригнули. Поэтов тираны не понимают, когда понимают – тогда убивают. Оливковый Пабло с глазами лиловыми, единственный певчий среди титулованных, Вы звали на палубы, на дни рождения!.. Застолья совместны, но смерти – раздельные... Вы звали меня почитать стадионам – на всех стадионах кричат заключенные! Поэта убили, Великого Пленника... Вы, братья Неруды, затворами лязгая, наденьте на лацканы черные ленточки, как некогда алые, партизанские! Минута молчанья? Минута анафемы заменит некрологи и эпитафии. Анафема вам, солдафонская мафия, анафема! Немного спаслось за рубежом на «Ильюшине»... Анафема моим демократичным иллюзиям! Убийцам поэтов, по списку, алфавитно – анафема! Анафема! Анафема! Пустите меня на могилу Неруды. Горсть русской земли принесу. И побуду. Прощусь, проглотивши тоску и стыдобу, с последним поэтом убитой свободы.

«В человеческом организме...»

* * * В человеческом организме девяносто процентов воды, как, наверное, в Паганини девяносто процентов любви! Даже если – как исключение – вас растаптывает толпа, в человеческом назначении девяносто процентов добра. Девяносто процентов музыки, даже если она беда, так во мне, несмотря на мусор, девяносто процентов тебя.

Художник и модель

Ты кричишь, что я твой изувер, и, от ненависти хорошея, изгибаешь, как дерзкая зверь, голубой позвоночник и шею! Недостойную фразу твою не стерплю. Побледнею от вздору. Но тебя я боготворю. И тебе стать другой не позволю. Эй, послушай! Покуда я жив, жив покуда, будет люд Тебе в храмах служить, на Тебя молясь, на паскуду.

Новогоднее платье

Подарили, подарили золотое, как пыльца. Сдохли б Вены и Парижи от такого платьица! Драгоценная потеря, царственная нищета. Будто тело запотело, а на теле – ни черта. Обольстительная сеть, золотая ненасыть. Было нечего надеть, стало некуда носить. Так поэт, затосковав, ходит праздно на проспект. Было слов не отыскать, стало не для кого спеть. Было нечего терять, стало нечего найти. Для кого играть в театр, если зритель не «на ты». Было зябко от надежд, стало пусто напоследь. Было нечего надеть, стало незачем надеть. Я б сожгла его, глупыш. Не оцените кульбит. Было страшно полюбить, стало некого любить.

Художники ужинают в парижском ресторане «Кус-кус»

I Мой собеседник – кроткий, баской! Он челюсть прикрыл бородкой как перчаточкою боксер. «Кус-кус» на меню не сетует – повара не учить! Мой фантастический собеседник заказывает – дичь. «Коровы летают? Летают. Неси. Короны летают? Но в аут. Мерси». А красный Георгий на блюде летел на победных крылах, где как лебединые клювы, копыта на белых ногах! И парочкой на излете ночном кричали Тристан и Изольда, обнявшись, как сендвич с мечом. Поэты – не куропатки. Но если раздеть догола, обломок ножа под лопаткой сверкнет, как обломок крыла. А наши не крылья – зонтики стекают в углу, как китч. Смакует мой гость: «Экзотика! Отличнейшая дичь!» II Голодуха, брат, голодуха! Ухо а ля Ван-Гог. . . . 150 000 крон фаршированный вагон всмятку. . . . 1000 персон пятака съеденного Рокфеллера мл. (Новая Гвинея). . . 10 000 000 000 неочищенная фея. . . . на 2 персоны цветочная корзинка Сены с ручкою моста. . . . 2 франка Ирисы. . . . 2 франка полисмены в фенах сидящие, как Озирисы. . . . Дебре семилетней выдержки. . . . роман без выдержки и урезки. . . . Р. Фиш (по-турецки). . . . 5000 экз. шиш с маслом. . . . 450 000 хлеб с маслом. . . . блеф с Марсом. . . . 1 000 000 000 000 000 «Мне нравится тот гарсон в засахаренных джинсах с бисером» Записываем: «1 фиат на 150 000 персон, 3 фиата на 1 персону Иона. . . . 2 миллиона лет сласти власти. . . . 30 монет разблюдовка в стиле Людовика винегрет. . . . нет конфеты „Пламенный привет“. . . . нет вокальный квинтет. . . . нет Голодуха, брат, голодуха особо в области духа! – а вместо третьего мост Александра III. . . . 188?» Голодуха, брат, голодуха от славы, тоски, сладостей, чем больше пропустишь в брюхо, тем в животе пустей! Мы – как пустотелые бюсты, с улыбочкою без дна, глотаешь, а в сердце пусто – бездна! «Рубаем (испанск.), Андрюха!» Ешь, неизвестно что, голодуха, брат, голодуха! Есть только растущий счет. А бледный гарсон за подносом летел, не касаясь земли, как будто схватясь за подножку, когда поезда отошли... Ах, кто это нам подмаргивает из пиц? Мой собеседник помалкивает – отличнейшая дичь! В углу драматург глотает противозачаточные таблетки. Завтра его обсуждают. Как бы чего не вышло!.. На нем пиджачок, как мякиш – что смертному не достичь. Отличная дичь – знай наших! Послушаем, что за спич? III На дубу написано «Валя». Мы забыли, забыли с вами, не забыли самих названий, позабыли, зачем писали! На художнике надпись «сука», у собаки кличка «Наука», «Правдолюбец» на самодержце. Ты куда, «Аллея Надежды»? И зачем посредине забора изречение: «Убей ухажора»? На Луне – «Дж. Армстронг, с любовью» и «Прогресс» на Средневековье И, уверовав в слов тождественность в одиночнейшем из столетий, кто-то обнял доску, как женщину. Но это надпись на туалете. И зачем написано «Лошадь» на мучительной образине, в чьих смычковых ногах заложена одна сотая автомашины? IV «Кус-кус» пустеет во мраке, уносят остатки дичи... «Дикси!» Но самая вера злущая – что было бы революцией название «Революция» написано на революции! И, плюнув на зонт и дождик, в нелепейший из дождей уходят под дула художники – отличнейшая дичь!

Похороны Кирсанова

Прощайте, Семен Исаакович. Фьюить! Уже ни стихом, ни сагою оттуда не возвратить. Почетные караулы у входа в нездешний гул ждут очереди понуро, в глазах у них: «Караул!» Пьерошка в одежде елечной, в ненастиях уцелев, серебрянейший, как перышко, просиживал в ЦДЛ. Один, как всегда, без дела, на деле же – весь из мук, почти что уже без тела мучительнейший звук. Нам виделось кватроченто, и как он, искусник, смел... А было – кровотечение из горла, когда он пел! Маэстро великолепный, а для толпы – фигляр... Невыплаканная флейта в красный легла футляр.

Украли!

Нападающего выкрали! Тени плоские, как выкройки. Мчится по ночной Москве тело славное в мешке. До свидания, соколики! В мешковине, далека, золотой своей «наколочкой» удаляется Москва... Перекрыты магистрали, перехвачен лидер ралли. И радирует радар: «В поле зрения вратарь». Двое штатских, ставши в струнку, похвалялись наподавшие: «Ты кого?» – «Я – Главнonstrуктора». «Ерунда! Я – нападающего!» «Продается центр защиты и две штуки незасчитанные!» «Я – как братья Эспозито. Не играю за спасибо!» «Народился в Магадане феномен с тремя ногами, ноги крепят к голове по системе „дубль-ве“». «Прикуплю игру на кубок, только честно, без покупок». Умыкнули балерину. А певица на мели – утянули пелерину, а саму

не увели. На суде судье судья отвечает: «Свистнул я. С центра поля, в честном споре нападающего сперли». Центр сперт, край сперт, спорт, спорт, спорт, спорт... «Ототкните бомбардира! Не нужна ему квартира. Убегу! Мои ноженьки украли, знаменитые по краю, я – в соку, я все ноченьки без крали, синим пламенем сгораю, убегу! Убегу! Как Жанна д'Арк он, – ни гугу! Не притронулся к подаркам, к коньяку. „Убегу“ – лицо как кукиш, за паркет его не купишь. „Когда крали, говорили – „Волга“. М-24...“» Тень сверкнула на углу. Ночь такая – очи выколи. Мою лучшую строку, нападающую – выкрали... Ни гугу.

Зима

Приди! Чтоб снова снег слепил, чтобы желтела на опушке, как александровский амбир, твоя дубленочка с опушкой.

Отчего...

Отчего в наклонившихся ивах – ведь не только же от воды, – как в волшебных диапозитивах, света плавающие следы? Отчего дождаюсь, поверя – ведь не только же до звезды, посвящаемый в эти деревья, в это нищее чудо воды? И за что надо мной, богохульником, – ведь не только же от любви, – благовещеньем дышат, багульником золотые наклоны твои?

Баллада о ремонтируемых часах

Как архангельша времен на стенных часах над рынком баба вывела: «Ремонт», снявши стрелки для починки. Верьте тете Моте – Время на ремонте. Время на ремонте. Медлят сбросить кроны просеки лимонные в сладостной дремоте. Фильмы поджеймсбондили. В твисте и нервозности женщины – вне возраста. Время на ремонте. Снова клеши в моде. Новости тиражные – как позавчерашние. Так же тягомотны. В Кимрах именины. Модницы в чулках, в самых смелых «мини» – только в челочках. Мама на «Раймонде». Время на ремонте. Реставрационщик потрошит Да Винчи. «Лермонтов» в ремонте, Что-то там довинчивают. Я полагаю, что пара вертолетов значительно изменила бы ход Аустерлицкого сражения. Полагаю также, что наступил момент произвести девальвацию минуты. Одна старая мин. равняется 1,4 новой. Тогда соответственно количество часов в сутках увеличится, возрастет производительность труда, а оставшееся время мы сможем петь. Время остановилось. Время 00 – как надпись на дверях. Прекрасное мгновенье, не слишком ли ты подзатынулось? Которые все едят и едят, вся жизнь которых – как затянувшийся обеденный перерыв, которые едят в счет 1980 года, вам говорю я: «Вы временны». Конторские и конвейерные, чья жизнь изнурительный производственный ритм, вам говорю я: «Временно это». «До-до-до-до-до-до-до-до» – он уже продолбил клавишу, так что клавиша стала похожа на домино «пусто – один» – «до-до-до...» Прекрасное мгновенье, не слишком ли ты подзатынулось? Помогите Время сдвинуть с мертвой точки. Гайки, Канты, лемехи, все – второстепенности. Не на семи рубинах циферблат Истории – на живых, любимых, ломкие которые. Может, рядом, около, у подружки ветреной что-то больно екнуло, а на ней все вертится. Обнажайте заживо у себя предсердие, дайте пересаживать. В этом и бессмертие. Ты прощай, мой щебет, сжавшийся заложник, неизвестность щемит – вдруг и ты заглохнешь? Неизвестность вечная – вдруг не разожмется? Если человеческое – значит, приживется. И колеса мощные время навернет. Временных ремонтников вышвырнет в ремонт!

Вечер в «Обществе слепых»

Милые мои слепые, слепые поводыри, меня по своей России невидимой повели. Зеленая, голубая, розовая на вид, она, их остерегая, плачет, скрипит, кричит! Прозрейте, товарищ зрячий, у озера в стоке вод. Вы слышите – оно плачет? а вы говорите – цветет! Чернеют очки слепые, отрезанный мир зовут, как ветки живьем спилили, окрасив следы в мазут. Вы скажете – «цвет ореховый», они скажут – «гул ореха». Вы говорите – «зеркало», они говорят – «эхо». Им кажется Паганини красивейшим из красавцев, Сильвана же Помпанини – сиплю каракатицей, им пудреница окажется эмалевой панагией. Вцепились они в

музыкальность, выставив вверх клюки, как мы на коньках крючками цеплялись за грузовики. Пытаться читать стихи в «Обществе слепых» – пытаться скрывать грехи в обществе у святых. Плевать им на куртку кожаную, на показуху рук – они не прощают кожей лживый и наглый звук. И дело не в рифмах бедных – (они хорошо трещат), но пахнут, чем вы обедали, а надо петь натошак. В вашем слепом обществе, всевидящем, как Вишну, вскричу, добредя ощупью: «Вижу!» – зеленое зеленое зеленое заплакало заплакало заплакало зеркало зеркало зеркало эхо эхо эхо

В непогоду

В дождь, как из Ветхого завета, мы с удивительным детской плечом толкали из кювета забуксовавшую машину. В нем русское благообразие шло к византийской ипостаси. В лицо машина била грязью за то, что он ее вытаскивал. Из-под подфарника пунцового брандспойтово хлестала жижа. Ну и колеса пробуксовывали, казалось, что не хватит жизни. Всего не помню, был незряч я от этой грязи молодецкой. Хозяин дома близлежащего нам чинно вынес полотенца. Потом он отмывался, терся, отшучивался, балагуря. И неумелая шоферша была лиха и белокура. Нас высадили у заставы. Где он, нечаянный спаситель? Я влево уходил, он вправо. И больше я его не видел.

Мелодия Кирилла и Мефодия

Есть лирика великая – кириллица! Как крик у Шостаковича – «три лилии!» – белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса – кириллица! И фырчет «Ф», похожее на филина. Забьет крылами «У» горизонтальное – и утки унесутся за Онтарио. В латынь – латунь органная откликнулась, а хоровые клиросы – в кириллицу! «Б» в даль из-под ладони загляделась – как богоматерь, ждущая младенца.

Говорит мама

Когда ты была во мне точкой, отец твой тогда настаивал, мы думали о тебе, дочка, – оставить или не оставить? Рассыпчатые твои косы, ясную твою память и сегодняшние твои вопросы: «оставить или не оставить?»

Летающий мужик

В. Л. Бедуле

I Встречая стадо в давешние леты, мне объясняла бабушка приметы: «Раз в стаде первой белая корова, то завтра будет чудная погода». II Коровы, пятясь, как аэротрапы, пасутся, сунув головы в луга. И подымались плачущие травы по их прощальным шеям в облака. И если лидер – светлая корова, то, значит, будет летная погода! Коровьи отношения с небесами еще не удавалось прояснить. Они, пожалуй, не летают сами, но понимают небо просинить. Раз впереди красивая корова, то утро будет синим, как Аврора. III На фермах блещут полиэтилены, навоз вниз эскалатором плывет торжественно, как в метрополитене. Из мрака к свету. И наоборот. Как зубры ненавидят мотоциклы! Копытные эпохи ледников несутся за трещоткой малосильной. Бедуля ненавидит дураков. Ведь если лидер – темная корова, то, значит, будет темная погода. IV Ему при Иоанне шапку сдуло, но не поклон, не хулиганский шик – Владимира Леонтьича Бедулю я бы назвал «Летающий мужик». Летит мужик – на собственной конструкции, летит мужик – по Млечному Пути, лети, мужик! Держись за землю, трусы. Пусть снимут стружку. Легче ведь. Лети! А если первой скучная корова, то, значит, будет скучная погода. V Он стенгазеты снял как дребедень. Воздвиг радиостанцию пастушью, чтоб плыли сообщения воздушные в дистанции 12 деревень. Над Беловежьем звезды колоколили. И нету рифмы на ответный тост. Но попросил он прочитать такое!.. А я-то думал, что Бедуля прост. VI «Нет правды на земле. Но правды нет и выше». Бедуля ищет правду под землей. Глубоко пашет и, припавши, слышит, как тяжело ей приходится, родной! Его и славословили, и крыли. Но поискам – не до шумих. Бедуля дует на подземных крыльях! Я говорю: «Летающий мужик». Все марты поменялись на июли. Коровы, что ли, балуют, Бедуля? VII Коровы программируют погоды.

Их перпендикулярные соски торчат, на руль Колумбовый похожи. Им тоже снятся Млечные Пути. Когда взгрустнут мои аэродромы, пришли, Бедуля, белую корову!

Аисты

В. Жаку

В гнезде, венчающем березу, стояли аист с аистихой над черным хутором бесхозым бессмысленно и артистично. Гнездо приколото над чащей, как указание Вифлеема. Две шеи выгнуты сладчайше. Так две змеи стоят над чашей, став медицинской эмблемой. Но заколочено на годы внизу хозяйское гнездовье. Сруб сгнил. И аист без работы. Ведь если награждать любовью, то надо награждать – кого-то. Я думаю, что Белоруссия семей не возместила все еще. Без них и птицы безоружные. Вдруг и они без аистеныша?.. ...Когда-нибудь, дождем накрытая, здесь путница с пути собьется, и от небесного события под сердцем чудо в ней забьется. Свое ощупывая тело, как будто потеряла спички, сияя, скажет: «Залетела. Я принесу вам сына, птички».

Лесник играет

Р. Щедрина

У лесника поселилась залетка. Скрипка кричит, соревнуясь с фрамугою. Как без воды рассыхается лодка, старая скрипка рассохлась без музыки. Скрипка висела с ружьями рядом. Врезалась майка в плеча задубелые. Правое больше привыкло к прикладам, и поотвыкло от музыки левое. Но он докажет этим мазурикам перед приезжей с глазами фисташковыми – левым плечом упирается в музыку, будто машину, из грязи вытаскивает! Ах, покатила, ах, полетела... Вслед тебе воют волки лесничества... Майки изогнутая бретелька – как отпечаток шейки скрипичной.

Повесть

Он вышел в сад. Смеркался час. Усадьба в сумраке белела, смущая душу, словно часть незагорелая у тела. А за самым особняком пристройка помнилась неясно. Он двери отворил пинком. Нашарил ключ и засмеялся. За дверью матовой светло. Тогда здесь спальня находилась. Она отставила шитье и ничему не удивилась.

Королевская дочь

Ты – дочь полководца и плясуньи. Я вроде придворного певца. Ко мне прибегаешь в полнолуние в каморку, за статуей отца. В годину сражений и пожара, зубами скрипя, чтоб не кричать, всю совесть свою, чтоб не мешала, вдохнул он в твою хмельную мать. Родилась ты светлая такая! Но как-то замороженно-тиха. Заснув со мной перед петухами, кричишь, как от страшного греха. Тогда постаменты опустеют. И я холодею, как мертвец, когда по прогнувшимся ступеням ступает твой каменный отец.

«На площади судят нас, трех воров...»

* * * На площади судят нас, трех воров. Я тоже пытаюсь дознаться – кто? Первый виновен или второй? Но я-то знаю, что я украл. Первый признался, что это он. Второй улики кладет на стол. Меня прогоняют за то, что вру. Но я-то помню, что я украл. Пойду домой и разрою клад, где жемчуг теплый от шеи твоей... И нет тебя засвидетельствовать, чтоб поверили, что я украл.

Плач после поэмы «Лед-69»

Заря Марья, заря Дарья, заря

Катерина,

Из народного наговора

Заря Марья, заря Дарья, заря Катерина, свеча талая, свеча краткая, свеча
стеариновая, медицина – лишнее, чуда жду, отдышите лыжницу в кольском льду! Вифлеемские метеориты,
звезда Марса, звезда исторического материализма, сделайте уступочку, хотя б одну –
отпустите доченьку в кольском льду! Она и не жила еще по-настоящему... Заря Анна, лес
Александр, сад Афанасий вы учили чуду, а чуда нет – оживите лыжницу двадцати лет! И пес воет: «Мне, псу,
плохо... Звезда Альма, звезда Гончих Псов, звезда Кабысдоха, отыщите лыжницу, сделайте
живой, все мне голос слышится: Джой! Джой! Что ж ты дрессировала бегать рядом с тобой?
Сквозь бульвар сыроватый я бегу с пустотой. Носит мать, обревевшись, куда-то цветы. Я ж, единственный,
верю, что зовешь меня ты. Нет тебя в коридоре, нету в парке пустом, на холме тебя нету, нет тебя за холмом.
Как цветы окайанные, ночью пахнет тобой красный бархат дивана и от ручки дверной!»

Вечные мальчишки

Его правые тротилом подорвали меценат, «пацан», революционер Как доверчиво усы его
свисали, точно гусеница-землемер! Это имя раньше женщина носила. И ей кто-то вместо
лозунга «люблю» расстелил четыре тыщи апельсинов, словно огненный булыжник на полу. И она бровями
синими косила. Отражались и отплясывали в ней апельсины, апельсины,
апельсины, словно бешеные яблоки коней!.. Не убили бы... Будь я христианином, я б молил
за атеисточку творца, чтобы уберег ее и сына, третьеклашку, но ровесника отца. Называли
«ррреволюционной корью». Но бывает вечный возраст, как талант. Это право, окупаемое кровью. Кровь
«мальчишек» оттирать и оттирать. Все кафе гудят о красном Монте-Кристо... Меж столами, обмеряя
пустомель, бродят горькие усищи нигилиста, точно гусеница-землемер.

«На суде, в раю или в аду...»

* * * На суде, в раю или в аду, скажет он, когда придут истцы: «Я любил двух женщин как одну. Хоть они
совсем не близнецы». Все равно, что скажут, все равно! Не дослушивая ответ, он двустворчатое окно
застегнет на черный шпингалет.

Отцу

Отец, мы видимся все реже-реже, в годок – разок. А Каспий усыхает в побережье и скоро станет –
как сухой морской конек. Ты дал мне жизнь. Теперь спасаешь Каспий. Как я бы
заболел когда-нибудь, всплывают рыбы с глазками как капсуль. Единственно возможное
лекарство – в них воды Севера вдохнуть! И все мои конфликтные
смуты – «конфликт на час» пред этой, папа, тихой минутой, которой
ты измучился сейчас. Поможешь маме вытирать тарелки... Я ж думаю: а) море на мели, б) повернувшись,
северные реки изменят вдруг вращение Земли? в) как бы
древних льдов не растопили... Тогда вопрос: не «сколько ангелов на
конце иголки?», но сколько человечества уместится на шпиле
Эмпайр Билдинг и Останкино?

Заплыв

Передраассветный штиль, александрийский час, и ежели про стиль – я выбираю брасс. Где на нефрите бухт по шею из воды, как Нефертити бюст, выныриваешь ты. Или гончар какой наштамповал за миг наклонный частокол ста тысяч шей твоих? Хватаешь воздух ртом над струйкой завитой, а главное потом, а тело – под водой. Вся жизнь твоя, как брасс, где тело под водой, под поволокой фраз, под службой, под фатой... Свежо быть молодой, нырнуть за глубиной и неотрубленной смеяться головой!.. ...Я в южном полушарии на спиночке лежу – на спиночке поджаренной ваш шар земной держу.

«Проснется он от темнотищи...»

* * * Проснется он от темнотищи, почувствует чужой уют и голос ближний и смутивший: «Послушай, как меня зовут?» Тебя зовут – весна и случай, измены бешеной жасмин, твое внезапное: «Послушай...» – и ненависть, когда ты с ним. Тебя зовут – подача в аут, любви кочевный баламут, тебя в удачу забывают, в минуты гибели зовут.

Свет вчерашний

Все хорошо пока что. Лишь беспокоит немного Ламповый, непогашенный свет посреди дневного. Будто свидетель лишний или двойник дурного – жалостный, электрический свет посреди дневного. Сердце не потому ли счастливо, но в печали? Так они и уснули. Света не выключали. Проволочкой накалившейся тем еще безутешней, слабый и электрический с вечера похудевший. Вроде и нет в наличии, но что-то тебе мешает. Жалостный электрический к белому примешался.

«Теря свою независимость...»

* * * Теряя свою независимость, поступки мои, верней, видимость поступков моих и суждений, уже ощущают уздечку, и что там софизмы нанизывать! Где прежде так резво бежалось, путь прежний мешает походке, как будто магнитная залежь притягивает подковки! Безволие какое-то, жалость... Куда б ни позвали – пожалуйста, как набережные коготки. Какое-то разноголосье, лишившееся дирижера, в душе моей стонет и просит, как гости во время дождя. И галстук, завязанный фигой, искусства не заменитель. Должны быть известными – книги, а сами вы незначительны, чем мина скромнее и глуше, тем шире разряд динамита. Должны быть бессмертными – души, а сами вы смертно-телесны, телевизионные уши не так уже интересны. Должны быть бессмертными рукописи, а думать – кто купит? – бог упаси! Хочу отречения простого от черт, мне приписанных публикой. Монархия первопрестольная в душе уступает республике. Тоскую о милых устоях. Отказываюсь от затворничества для демократичных забот – жестяной лопатой дворничьей расчищу снежок до ворот! Есть высшая цель стихотворца – ледок на крылечке оббить, чтоб шли обогреться с морозца и исповеди испить.

«Наш берег песчаный и плоский...»

* * * Наш берег песчаный и плоский, заканчивающийся сырой печальной и темной полоской, как будто платочек с каймой. Направо холодное море, налево песочечный быт. Меж ними, намокши от горя, темнея, дорожка бежит. Мы больше сюда не приедем. Давай по дорожке пройдем. За нами – к добру по приметам – следы отольют серебром.

Пасата

Купаться в шторм запрещено. Заплывшему – не возвратиться. Волны накатное бревно расплющит бедного артиста! Но среди бешеных валов есть тихая волна – пасата, как среди грома каблуков стопа неслышная босая. Тебя от берега влечет не предрассудок бесшабашный, а ужасающий расчет – в открытом море безопасней. Артист, над мировой волной ты носишься

от жизни к смерти, как ограниченный дугой латунный сгорбленный рейсфедер!
Но слышит зоркая спина среди безвыходного сальто, как зарождается волна с протяжным именем – пасата.
«Пасата, возвращающая волна, пасата, запретны мои заплывы,
но хлынула тишина возврата, я обожаю воду – но что она без земли?
Пустая! Я обожаю свободу – но что она без любви, пасата?
Неси меня, пока носишь, оставишь на берегу, – будь свята! Я встану и,
пошатываясь, тебя поблагодарю, но ты растворишься в море, не
поглядев, пасата...»

«Память – это волки в поле...»

* * * Память – это волки в поле, убегают, бросив взгляд, – как пловцы в безумном кроле, озираются назад!

«Ты поставила лучшие годы...»

* * * Ты поставила лучшие годы, я – талант. Нас с тобой секунданты угодливо развели. Ты – лихой дуэлянт!
Получив твою меткую ярость, пошатнусь и скажу как актер, что я с бабами не стреляюсь, из-за бабы – другой разговор. Из-за Той, что вбегала в июле, что возлюбленной назвал, что сейчас соловьиною пулей убиваешь во мне наповал!

Охотник

Я иду по следу рыси, а она в ветвях – за мной. Хищное внимание выси ощущается спиной. Шли, шли, шли, шли, водит, водит день-деньской, лишь, лишь, лишь, лишь я за ней, она за мной. Но стволы мои хитры, рыси – кры...

Олень по кличке «Туманный Парень»

Ты отвези меня, Туманный Парень, к оленям вольным от недотык! Почти до наста, объятый паром, дымится вывалившийся язык. Безмолвье тундровое фарфорно. И слева вздрагивает бегом, как сбоку зеркальце у шофера, опальный воздух над языком. Как испаряются, дрожат рогами стада олени издалика!.. Так жук на спинке сучит ногами, цепляя воздух и облака. Олени вольные, примите с ходу! Въезжаем в стадо, взрыхлив снега. Четырехтысячная свобода тебя обнюхает, как сынка. И вдруг умчатся, ружье учуя... Туманный Парень – опасный гость. Пахнет предательством избыток чувства. Не зря есть в сердце оленьем кость. Как солнце низко, Туманный Парень! Доисторическая тоска стоит, как радуга, испаряясь, немую музыкой с языка! Жизнь не туманна – она железна. Нам мотонарты кричат в снегу, будто оранжевые жилеты людей, работающих в пургу.

Стихи о чистоте

Целуется при народе с танцором нагая подруга... Ликуй, порнография плоти! По есть порнография духа. Докладчик порой на лектории, распарившись как стряпуха, раскроет аудитории свою порнографию духа. Искусство он поясняет, лишенный и вкуса и слуха. Такого бы постеснялась любая парижская шлюха! Подпольные миллионеры, когда твоей родине худо, являют в брильянтах и нерпах свою порнографию духа. Напишут чужою рукою статейку за милого друга. Но подпись его под статью висит порнографией духа. Когда на собрании в зале неверного судят супруга, желая интимных деталей, ревет порнография духа. Как вы вообще это смеете, как часто мы с вами пытаемся глядеть при общественном свете, когда и двоим – это таинство... Конечно, спать вместе не стоит, но в скважине голый глаз значительно непристойнее того, что он

видит у вас. Клеймите стриптизы экранные, венерам закутайте брюхо. По все-таки дух – это главное. Долой порнографию духа!

Кемская легенда

Был император крут, как кремень: кто не потрафил – катитесь в Кемь! Раскольник, дурень, упрямый пень – в Кемь! Мы три минуты стоим в Кеми. Как поминальное «черт восьми» или молитву читаю в темь – мечтаю, кого я послал бы в Кемь: 1... 2... 3... 4... 5... 6... 7... Но мною посланные друзья глядят с платформ, здоровьем дразня. Счастливые, в пыжиках набекрень, жалеют нас, не попавших в Кемь! «В красавицу Кемь новосел валит. И всех заявлений не удовлетворить. Не гиблый край, а завтрашний день». Вам грустно? Командируетесь в Кемь!

Спальные ангелы

П. Вегину

Огни Медыни? а может, Волги? стакан на ощупь, Спят молодые на нижней полке в вагоне общем. На верхней полке не спит подросток. С ним это будет. Напротив мать его кусает простынь. Но не осудит. Командировочный забился в угол, не спит с Уссури. О чем он думает под шепот в ухо? Они уснули. Огням качаться, не спать родителям, не спать соседям. Какое счастье в словах спасительных: «Давай уедем!» Да хранят их ангелы спальные, качав и плавав, – на полках спаренных, как крылья первых аэропланов.

Слеги

Милые рощи застенчивой родины (цвета слезы или нитки суровой) и перекинутые неловко вместо мостков горбыльковые продерни, будто продернута в кедах шнуровка! Где б ни шатался, кто б ни базарил о преимуществах «ФЭДа» над Фетом – слезы ли это? линзы ли это? – но расплываются перед глазами милые рощи дрожащего лета!

Кольцо

Лоллобриджиде надоело быть снимаемой, Лоллобриджиде прилетела вас снимать. Бьет Переделкино колоколами на Благовещение и Божью мать! Она снимает автора, молоденькая фотография. Автор припадет к кольцу с дохристианской эротикой, где женщина берет запретный плод. Благослови, Лоллобриджиде, мой порог. Пустая слава, улучив предлог, окинь мой кров, нацель аппаратуру! Поэт полу-Букашкин, полу-Бог. Благослови, благослови, благослови. Звезда погасла – и погасли вы. Летунья слава, в шубке баснословной, Как тяжки чемоданища твои! «Зачем Ты вразумил меня, Господь, несбыточный ворочать гороскоп, подставил душу страшным телескопам, окольцевал мой пальчик безымянный египетской пиявкой любви? Я рождена для дома и семьи». За кладбищем в честь гала-божества бьют патриаршие колокола. «Простоволосая Лоллобриджиде, я никогда счастливой не была». Как чай откусать с блюда хорошо! Как страшно изогнуться в колесо, где означает женщина начало, и ею же кончается кольцо.

Озеро Свитязь

Опали берега осенние. Не заплывайте. Это омут. А летом озеро – спасение тем, кто тоскуют или тонут. А летом берега целебные, как будто шина, надуваются ольховым светом и серебряным и тихо в берегах качаются. Наверное, это микроклимат. Услышишь, скрипнула калитка или колодец журавлиный. – все

ожидает, что окликнут. Я здесь и сам живу для отзыва. И снова сердце разрывается, – дубовый лист, прилипший к озеру, напоминает Страдивариуса.

Липечанские болота

Памяти И. Филидовича,

белорусского Сусанина

I «Филидович, проведешь в логова?» – «Да, „Мертвая голова“ – накатаны рукава». – «Филидович, а оплата не мала?» – «Жизнь, Мертвая голова, была бы семья жива». – «Филидович, кто в залог остался за?» – «Внук, Мертвая голова, голубенькие глаза...» Под следочком расправляется трава. Филидович, проклянет тебя молва! II «Филидович, от заката до восхода справа, слева, сзади, спереди – болота, перед нами и за нами, как блевота, и под нами...» – «А точнее говоря, и уже над нами – болота, Мертвая голова!»

Песня

«Как погибла ты, мать Мария?» –

«Мимо нас осужденных вели.

Я датчанку собой заменила.

И меня в душегубке сожгли».

Называли ее – мать Мария. Посреди Елисейских полей васильковые очи царили укоризной своей! Белоснежная поэтесса вся в потупленной синеве не испытывала пиетета ни к политике, ни к войне. «Вы куда, молодая монашка? Что за сверток вы бросили в пруд? Почему кавалеры в фуражках вас к жестокой машине ведут?» «Так велит моя тихая вера. До свидания. Я не приду. Я гестаповского офицера застрелила у всех на виду. За российские наши печали, за разор Елисейских полей те же пальцы гашетку нажали, что ночами крестили детей. И за это меня, мать Марию, русский пленник, в бреду, может быть, назовет меня „Матерь Россия!“ и попросит водой напоить».

Обстановочка

«Это мой теневой кабинет. Пока нет: гардероба и полн. собр. соч. Кальдерона. Его Величество Александрийский буфет правит мною в рассрочку несколько лет. Вот кресло-катапульта времен борьбы против культа. Тень от предстоящей иконы „Кинозвезда, пожирающая дракона“ (обещал подарить Солоухин). По слухам. VI век. Феофан Грек. Стол. Кент. На столе ответ на анкету: „Предпочитаю Беломор Кенту“. Вот жены акварельный портрет. Обн. натура. Персидская миниатюра. III век. Эмали лиловой. Сама, вероятно, в столовой... Вот моя теневая столовая – смотрите, какая здоровая! На обед все, чего нет» (след. перечисление ед). Тень бабушки – салфетка узорная, вышивала, страдалница, вензеля иллюзорные Осторожно, деда уронишь! Пианино. «Рениш». Мамино. Видно, жена перед нами играла Рахманинова Одна клавиша полуутоплена, Еще теплая. (Бьет.) Ой, нота какая печальная! Сама, вероятно, в спальне. Услышала нас и пошла наводить марафет. «Уходя, выключайте свет!» «Проходя через пороги, предварительно вытирайте ноги. Потолки новые – предварительно вымывайте голову». Вот моя теневая спальня. Ой, как развалено... Хорошо, что жены нет. Тень от Милы, Нади, Тани, Ниннет + 14 созданий с площади Испании. Уголок забытых вещей! № 2-й, № 3-й, № 8-й – никто не признается чей! А вот женина брошка. И платье брошено... наверное, опять побегла к Аэродрому за димедолом, и... Актриса, но тем не менее! Простите, это дела семейные... (В прихожей черен и непрост, кот поднимал загнутый хвост, его в рассеянности Гость, к несчастью, принимал за трость.) Вот ванная. Что-то странное! Свет под дверью. Заперто изнутри. Нет, не верю! Эй, Аэродромов, отвори! Вот так всегда. Слышите, переливается на пол вода. (Стучит.) Нет ответа. (От страшной догадки он делается

неузнаваем.) О нет, только не это!.. Ломаем! Она ведь вчера говорила – «Если не придешь домой...» Милая! Что ты натворила! (Дверь высаживают.) Боже мой!.. Никого. Только зеркало запотелое. Перелитая ванна полна пустой глубины. Сухие, нетронутые полотенца... Голос из стены: «А зачем мне вытираться, вылетая в вентиляцию!»

«Признаю искусство...»

* * * Признаю искусство и «Полет валькирий», но люблю кукушку и Ростов Великий. Жду за кинофабрикой еле-еле-еле звон ионафановский и полиелейный. Не само искусство, а перед искусством схожее с испугом праздничное чувство. Перед каждым новым вам не шелохнуться. Между каждым словом с жизнью расстаются!

«Стихи не пишутся – случаются...»

* * * Стихи не пишутся – случаются, как чувства или же закат. Душа – слепая соучастница. Не написал – случилось так.

Бойни перед сносом

Памяти чикагских боен

I Я как врач с надоевшим вопросом: «Где больно!» Бойни старые приняты к сносу. Где бойни?
II Ангариобразная кирпичага с отпечатавшеюся опалубкою. Отпеваю бойни Чикаго, девятнадцатый век оплакиваю. Вы уродливы, бойни Чикаго – на погост! В мире, где квадратные виноградины Хэбитага[2] собраны в более уродливую гроздь!
Опустели, как Ассирийская монархия. На соломе засохший навоза кусочек. Эхом ахая, вызываю души усопших. А в углу с погребальной молитвою при участии телеока бреют электробритвою последнего живого теленка. У него на шее бубенчик. И шуршат с потолков голубых крылья призраков убиенных: белый бык, черный бык, красный бык. Ты прости меня, белый убитый. Ты о чем наклонился с высот? Свою голову с думой обидной, как двурогую тачку, везет! Ты прости, мой печальный кузенчик, усмехающийся кирасир! С мощной грудью, как черный кузнечик, черно-красные крылья носил. Третий был продольно распилен, точно страшная карта страны, где зияли рубцы и насилие человеческой наивной вины. И над бойнею грациозно слава реяла, отпевая, словно дева туберкулезная, кровь стаканчиком попивая. Отпеваю семь тощих буренок, семь надежд и печалей районных, чья спина от крестца до лопатки провисала, будто палатки... Но звенит коровий сыночек, как председательствующий в звоночек, это значит: «Довольно выть. Подойди. Услышь и увидь». III Бойни пусты, как кокон сборный. Боен нет в Чикаго. Где бойни? IV И я увидел: впереди меня стояла Ио. Став на четвереньки, с глазами Суламифи и чеченки, стояла Ио. Нимфина спина, горизонтальна и изумлена, была полна жемчужного испуга, дрожала от приближения слепня. (Когда-то Зевс, застигнутый супругой, любовницу в корову превратил и этим кривотолки прекратил.) Стояла Ио, гневом и стыдом полна. Ее молочница доила. И, вскормленные молоком от Ио, обманутым и горьким молочком, кричат мальцы отсюда и до Рио: «Мы – дети Ио!» Ио-герои скромного порыва, мы – и. о. Ио-мужчины, гибкие, как ивы, мы – ио, ио-поэт с призваньем водолива, мы – ио. Ио-любовь в объятиях тоскливых обеденного перерыва, мы – ио, ио. ио-иуды, но без их наива, мы – ио! Но кто же мы на самом деле? Или нас опоили? Но ведь нас родили! Виновница надоев выполняла, обман парнасский вспоминала вяло. «Страдалица!» – ей скажет в простоте доярка. Кружка вспенится парная с завышенным процентом ДДТ. V Только эхо в пустынной штольне. Боен нет в Чикаго. Где бойни? VI По стене свисала распластанная, за хвост подвешенная с потолка, в форме темного контрабаса, безголовая шкура телка. И услышал я вроде гласа. «Добрый день – я услышал – мастер! Но скажите – ради чего Вы съели 40 тонн мяса? В Вас самих 72 кило. Вы съели стада моих дедушек, бабушек... Чту ваш вкус. Я не вижу вас. Вы, чай, в „бабочке“, как член Нью-Йоркской Академии Искусств? Но Вы помните, как в кладовке, в доме бабушкиного тепла, Вы давали сахар с ладошки задушевному губам телка? И когда-нибудь лет через

тридцать внук ваш, как и Вы, человек, провожая иную тризну, отвекая тридцатый век, в пустоте стерильных салонов, словно в притче, сходя с ума, – ни души! лишь пучок соломы – закричит: „Кусочка дерьма!“» VII Видно, спал я, стоя, как кони. Боен нет в Чикаго. Где бойни? VIII Но досматривать сон не стал я. Я спешил в Сент-Джорджский собор, голодающим из Пакистана мы давали концертный сбор. «Миллионы сестер наших в корчах, миллионы братьев без корочки, миллионы отцов в удушьях, миллионы матерей худущих...» И в честь матери из Бангладеша, что скелетик сына несла с колокольчиком безнадежным, я включил, как «Камо грядеши?», горевые колокола! Колокол, триединый колокол, «Лебедь», «Красный» и «Голодарь»[3], голодом, только голодом правы музыка и удар! Колокол, крикни, колокол, что кому-то нечего есть! Пусть хрипла торопливость голоса, но она чистота и есть! Колокол, красный колокол, расхोлившийся колуном, хохотом, ахны хохотом, хороша чистота огнем. Колокол, лебединый колокол, мой застенчивейший регистр! Ты, дыша, кандалы расковыливал, Лишь возлюбленный голос чист. Колокольная моя служба, ты священная моя страсть, но кому-то ежели нужно, чтобы с голоду не упасть, даю музыку на осьмушки, чтоб от пушек и зла спасла. Как когда-то царь Петр на пушки переплавливал колокола. IX Онемевшая колокольная. Боен нет в Чикаго. Где бойни?

ТРИПТИХ

(из прошлого)

Мастера

Поэма из семи глав с реквиемом и посвящениями

ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ Колокола, гудошники... Звон. Звон... Вам, Художники Всех времен! Вам, Микеланджело, Барма, Дант! Вас молнией заживо Испепелял талант. Ваш молот не колонны И статуи тесал – Сбивал со лбов короны И троны сотрясал. Художник первородный – Всегда трибун. В нем дух переворота И вечно – бунт. Вас в стены муровали. Сжигали на кострах. Монахи муравьями Плясали на костях. Искусство воскресало Из казней и из пыток И било, как кресало, О камни Моабитов. Кровавые мозоли. Зола и пот. И Музу, точно Зою, Вели на эшафот. Но нет противоядия Ее святым словам – Воители, ваятели, Слава вам! ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ Москва бурлит, как варево, Под колокольный звон... Вам, Варвары Всех времен! Цари, Тираны, В тиарах яйцевидных, В пожарищах-сутанах И с жерлами цилиндров! Империи и кассы Страхуя от огня, Вы видели в Пегасе Троянского коня. Ваш враг – резец и кельма. И выжженные очи, Как Клейма, Горели среди ночи. Вас мое слово судит. Да будет срам, Да Будет Проклятье вам! I Жил-был царь. У царя был двор, На дворе был кол. На колу не мочало – Человека мотало! Хвор царь, хром царь, А у самых хором Ходит вор и бунтарь. Не туга мошна, Да рука мощна! Он деревни мутит. Он царевне свистит. И ударил жезлом, и велел государь, Чтоб на площади главной Из цветных терракот Храм стоял семиглавый – Семиглавый дракон. Чтоб царя сторожил, Чтоб народ страшил. II Их было смелых – семеро, Их было сильных – семеро, Наверно, с моря синего Или откуда с севера, Где Ладога, луга, Где радуга-дуга. Они ложили кладку Вдоль белых берегов, Чтоб взвились, точно радуга, Семь разных городов. Как флаги корабельные, Как песни корабельные. Один – червонный, башенный, Разбойный, бесшабашный. Другой – чтобы, как девица, Был белогруд, высок. А третий – точно деревце, Зеленый городок! Узорные, кирпичные, Цветите по холмам... Их привели опричники, Чтобы построить храм. III Кудри-стружки, Руки – на рубанки. Яростные, русские Красные рубахи. Очи, – ой, отчаянны!.. При подобной силе – Как бы вы нечаянно Царство не спалили!.. Бросьте, дети бисовы, Кельмы и резцы! Не мечите бисером Изразцы. IV Не памяти юродивой Вы возводили храм, А богу плодородия, Его земным дарам. Здесь купола – кокосы, И тыквы – купола. И бирюза кокошников Окошки оплела. Сквозь кожуру мишурную Глядело с завитков, Что чудилось Мичурину Шестнадцатых веков. Диковины кочанные, Их буйные листья, Кочевников колчаны И кочетов хвосты. И башенки буравами Взвивались по бокам, И купола булавами Грозили облакам! И москвичи молились Столь дерзкому труду – Арбузу и маису В чудовищном саду. V Взглянув на главы-шлемы, Боярин рек: – У, шельмы, – В бараний рог! Сплошные перламутры – Сойдешь с ума! Уж больно баламутны Их сурик и сурьма... Купец галантный, Куль голландский, Шипел: – Ишь, надругательство, Хула и украшательство. Нашел уж царь работников – Смутьянов и разбойничков! У них не кисти, А кистени. Семь городов, антихристы, Задумали они. Им наша жизнь – кабальная, Им Русь – не мать! ...А младший у кабатчика Все похвалялся, тать, Как в ночь перед заутреней, Охальник и бахвал, Царевне Целомудренной Он груди целовал... И дьяки присные, Как крысы по углам, В ладони прыснули: – Не храм, а срам!.. ...А храм пылал в полнеба, Как лозунг к мятежам, Как пламя гнева – Крамольный храм! От страха дьякон пятился, В сундук купчина прятался. А немец, как козел, Скакал, задрав камзол. Уж как ты зол, Храм

антихристовый!.. А мужик стоял да посвистывал, Все посвистывал, да поглядывал, Да топор рукой все поглаживал... VI Холод, хохот, конский топот да собачий звонкий лай. Мы, как дьяволы, работали, а сегодня – пей, гуляй! Гуляй!.. Девкам юбки заголяй! Эх, на синих, на глазурных да на огненных санях... Купола горят глазуньями на распахнутых снегах. Ах! Только губы на губах! Мимо ярмарок, где яркие яйца, кружки, караси. По соборной, по собольей, по оборванной Руси – Эх, еси! – Только ноги уноси! Завтра новый день рабочий грянет в тысячу ладов, Ой вы, плотнички, пилите тес для новых городов. Го-ро-дов? Может, лучше для гробов?.. VII Тюремные стены. И нем рассвет. И где поэма? Поэмы – нет. Была в семь глав она – Как храм в семь глав. А нынче безгласна – Как лик без глаз. Она у плахи. Стоит в ночи. . . . . . И руки о рубахи Отерли палачи. РЕКВИЕМ Вам сваи не бить, не гулять по лугам. Не быть, не быть, не быть городам! Узорчатым башням в тумане не плыть. Ни солнцу, ни пашням, ни соснам – не быть! Ни белым, ни синим – не быть, не бывать, И выйдет насильник губить-убивать. И женщины будут в оврагах рожать, И кони без всадников – мчаться и ржать. Сквозь белый фундамент трава прорастет. И мрак, словно мамонт, на землю сойдет. Растерзанным бабам на площади выть. Ни белым, ни синим, ни прочим – не быть! Ни в снах, ни воочию – нигде, никогда... Врете, сволочи, Будут города! Над ширью вселенской В лесах золотых Я, Вознесенский, Воздвигну их! Я – парень с Калужской, Я явно не промах. В фуфайке колючей, С хрустящим дипломом. Я той же артели, Что семь мастеров. Бушуйте в артериях, Двадцать веков! Я тысячерукий – руками вашими, Я тысячеокий – очами вашими. Я осуществляю в стекле и металле, О чем вы мечтали, о чем – не мечтали... Я со скамьи студенческой Мечтаю, чтобы здания Ракетой стоступенчатой Взывались в мирозданье! И завтра ночью тряскою В 0,45 Я еду Братскую Осуществлять!.. ...А вслед мне из ночи Окон и бойниц Уставились очи Безглазых глазниц.

Лонжюмо

(Поэма) АВИАВСТУПЛЕНИЕ

Посвящается слушателям

школы Ленина в Лонжюмо

Вступаю в поэму, как в новую пору вступаю. Работают поршни, соседи в ремнях засыпают. Ночной папироской летят телецентры за Муром. Есть много вопросов. Давай с тобой, Время, покурим. Прикинем итоги. Светло и прощально горячие годы, как крылья, летят за плечами. И мы понимаем, что канули наши кануны, что мы, да и спутницы наши, – не юны, что нас провожают и машут лукаво кто маминым шарфом, а кто – кулаками... Земля, ты нас взглядом апрельским проводишь, лежишь на спине, по-ночному безмолвная. По гаснущим рельсам бежит паровозик, как будто сдвигают застёжку на «молнии». Россия любимая, с этим не шутят. Все боли твои – меня болью пронзили. Россия, я – твой капиллярный сосудик, мне больно когда – тебе больно, Россия. Как мелко отсюда успехи мои, неуспехи, друзей и врагов кулуарных ватаги. Прости меня, Время, что много сказать не успею. Ты, Время, не деньги, но тоже тебя не хватает. Но люди уходят, врезая в ночные отроги дорог своих огненные автографы! Векам остаются – кому как удастся – штаны – от одних, от других – государства. Его различаю. Пытаюсь постигнуть, чем был этот голос с картавой пластинки. Дай, Время, схватить этот профиль, паривший в записках о школе его под Парижем. Прости мне, Париж, невоспетых красавиц. Россия, прости незамятые тропки. Простите за дерзость, что я этой темы касаюсь, простите за трусость, что я ее раньше не трогал. Вступаю в поэму. А если сплошаю, прости меня, Время, как я тебя часто прощаю. * * * Струится блокнот под карманным фонариком. Звенит самолет не крупнее комарика. А рядом лежит в облаках алебастровых планета – как Ленин, мудра и лобаста. 1 В Лонжюмо сейчас лесопильня. В школе Ленина? В Лонжюмо? Нас распилами ослепили бревна, бурые как эскимо. Пилы кружатся. Пышут пыльщики. Под береткой, как вспышки, – пыжики. Через джемперы, как смола, чуть просвечивают тела. Здравствуй, утро в морозных дозах! Слово соты, прозрачны доски. Может, солнце и сосны – тезки?! Пахнет музыкой. Пахнет тесом. А еще почему-то – верфью, а еще почему-то – ветром, а еще – почему не знаю – диалектикою познания! Обнаруживайте древесину под покровом багровой мглы. Как лучи из-под тучи синей, бьют опилки из-под пилы! Добирайтесь в вещах до сути. Пусть ворочается сосна, словно глиняные сосуды, солнцем полные до полна. Пусть корою сосна дремуча, сердцевина ее светла – вы терзайте ее и мучайте, чтобы музыкою была! Чтобы стала поющей силищей

корабельщиков, скрипачей... Ленин был из породы распиливающих, обнажающих
суть вещей. 2 Врут, что Ленин был в эмиграции. (Кто вне родины – эмигрант.) Всю Россию, речную,
горячую, он носил в себе, как талант! Настоящие эмигранты пили в Питере под охраной, воровали
казну галантно, жрали устрицы и гранаты – эмигранты! Эмигрировали в клозеты с
инкрустированными розетками, отгораживались газетами от осенней страны раздетой, в
куртизанок с цветными гривами – эмигрировали! В драндулете, как чертик в колбе, изолированный,
недобрый, среди великодержавных харь, среди нарядных охотнорядцев, под разученные
овации проезжал глава эмиграции – царь! Эмигранты селились в Зимнем. А России сердце само –
билося в городе с дальним именем Лонжюмо. 3 Этот – в гольф. Тот повержен бриджем. Царь просаживал в
«дурачки»... Под распарившимся Парижем Ленин режется в городки! Раз! – распахнута
рубашка, раз! – прищуривался глаз, раз! – и чурки вверх тормашками – рраз! Рас-печатывались
«письма», раз-летясь до облаков, – только вздрагивали бисмарки от подобных городков! Раз! – по тюрьмам,
по двуглавым ого-го! – Революция играла озорно и широко! Раз! – врезалась бита белая, как авроровский
фугас – так что вдребезги империи, церкви, будущие берии – раз! Ну играл! Таких оттягивал
«паровозов»! Так играл, что шарахались рейхстаги в 45-м наповал! Раз!.. А где-то в начале века человек,
сощуривши веки, «Не играл давно», – говорит. И лицо у него горит. 4 В этой кухоньке скромны тумбочки, и,
как крылышки у стрекоз, брезжит воздух над узкой улочкой Мари-Роз, было утро, теперь смеркается, и
совсем из других миров слышен колокол доминиканский, Мари-Роз, прислоняюсь к прохладной раме, будто
голову мне нажгло, жизнь вечернюю озираю через ленточное стекло, и мне мнится – он где-то спереди, меж
торговок, машин, корзин, на прозрачном велосипедике проскользил, или в том кабачке хохочет, аплодируя
шансонье? или вспомнил в метро грохочущем ослепительный свист саней? или, может, жару и жаворонка?
или в лифте сквозном парит, и под башней ажурно-ржавой запрокидывается Париж – крыши сизые галькой
брезжут, точно в воду погружены, как у крабов на побережье, у соборов горят клешни, над
серебряной панорамой он склонялся, как часовщик, над закатами, над рекламами, он читал превращения их,
он любил вас, фасады стылые, точно ракушки в грустном стиле, а еще он любил Бастилию – за то, что ее
срыли! И сквозь биржи пожар валютный, баррикадами взвив кольцо, проступало ему Революции
окровавленное лицо, и глаза почему-то режа, сквозь сиреневую майолику проступало Замоскворечье, все в
скворечниках и маевках, а за ними – фронты, Юденичи, Русь ревет со звездой на лбу, и чиркнет
фуражкой студенческой мой отец на кронштадтском льду, папа, это ведь несмертельно? Папа, как ты в
годах глухих? Мы родились от тех метелей, умираем теперь от них. Вот зачем, мой Париж прощальный, не
пожар твоих маляров – вижу стартовую площадку узкой улочки Мари-Роз! Он отсюда мыслил ракетно. Мысль
его, описав дугу, разворачивала парапеты возле Зимнего на снегу! (Но об этом шла речь в строках главки 3-й,
о городках.) 5 В доме позднего рококо спит, уткнувшись щекой в проспекты, спит, живой еще,
невоспетый Серго, спи, Серго, еще раным-рано, зайчик солнечный через раму шевелится в усах легко, спи,
Серго, спи, Серго, в васильковой рубашечке, ты чему во сне улыбаешься? Где-то Куйбышев и Менжинский
так же детски глаза смежили. Что вам снится? Плотины Чирчика? Первый трактор и кран с серьгой? Почему
вы во сне кричите, Серго?! Жизнь хитра. Не учесть всего. Спит Серго, коммунист кремневый. Под широкой
стеной кремлевской спит Серго. 6 Ленин прост – как материя, как материя – сложен. Наш народ – не тетеря,
чтоб кормить его с ложки! Не какие-то «винтики», а мыслители, он любил ваши митинги, Глебы, Вани и
Митьки. Заряжая ораторски философией вас, сам, как аккумулятор, заряжался от масс. Вызревавшие мысли
превращались потом в «философские письма», в 18-й том. * * * Его скульптор лепил. Вернее, умолял
попозировать он, пред этим, сваяв Верлена, их похожестью потрясен, бормотал он оцепенело:
«Символическая черта! У поэтов и революционеров одинаковые черепа!» Поэтично кроить Вселенную! И за
то, что он был поэт, как когда-то в Пушкина – в Ленина бил отравленный пистолет! 7 Однажды, став зрелой,
из спешной повседневности мы входим в Мавзолей, как в кабинет
рентгеновский, вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас, и Ленин, как
рентген, просвечивает нас. Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин: «Скажите,
Ленин, мы – каких Вы ждали, Ленин?! Скажите, Ленин, где победы и пробелы? Скажите – в
суете мы суть не проглядели?..» Нам часто тяжело. Но солнечно и страстно прозрачное чело горит
лампобразно. «Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?» И Ленин отвечает. На все вопросы отвечает
Ленин. 1962-1963

«Авось!»

ОПИСАНИЕ

в сентиментальных документах, стихах и молитвах славных злоключений Действительного Камер-Герра НИКОЛАЯ РЕЗАНОВА, доблестных Офицеров Флота ХВАСТОВА и ДОВЫДОВА, их быстрых парусников «Юнона» и «Авось», сан-францисского Коменданта ДОН ХОСЕ ДАРИО АРГУЭЛЬО, любезной дочери его КОНЧИ с приложением карты странствий необычайных.

«Но здесь должен я Вашему Сиятельству сделать исповедь частных моих приключений. Прекрасная Концепсия умножала день ото дня ко мне вежливости, разные интересные в положении моем услуги и искренность начали непременно заполнять пустоту в моем сердце, мы ежечасно сближались в объяснениях, которые кончились тем, что она дала мне руку свою...»

Письмо Н. Резанова Н. Румянцеву 17 июня 1806 г. (ЦГИА, ф. 13, с. I, д. 687)

«Пусть как угодно ценят подвиг мой, но при помощи Божьей надеюсь хорошо исполнить его, мне первому из Россиян здесь бродить так сказать по ножевому острию...»

Н. Резанов – директорам русско-амер. компании 6 ноября 1805 г.

«Теперь надеюсь, что „Авось“ наш в Мае

на воду спущен будет...»

от Резанова же 15 февраля 1806 г. Секретно ВСТУПЛЕНИЕ «Авось» называется наша шхуна. Луна на волне, как сухой овес. Травы, Муза, пускай худо, но нашу веру зовут «Авось»! «Авось» разгуляется,

«Авось» вывезет, гармонизируется Хавос. На суше барщина и Фонвизины, а у нас весенний девиз «Авось»! Когда бессильна «Аве Мария», сквозь нас выдыхивает до звезд атеистическая Россия сверхъестественное «авось»! Нас мало, нас адски мало, и самое страшное, что мы врозь, но из всех притонов, из всех кошмаров мы возвращаемся на «Авось». У нас ноль шансов против тыщи. Крыш-ка? Но наш ноль – просто красотища, ведь мы выживали при «минус сорока». Довольно паузы. Будет шоу. «Авось» отплыве провозгласил. Пусть пусто у паруса за душою, но пусто в сто лошадиных сил! Когда ж наконец откинем копыта и превратимся в звезду, в навоз – про нас напишет стишки пиита с фамилией, начинающейся на «Авось». I ПРОЛОГ В Сан-Франциско «Авось» пиратствует – ЧП! Доченька губернаторская спит у русского на плече. И за то, что дыханьем слабым тельный крест его запотел, Католичество и Православье, вздев крыла, стоят у портьер. Расшатываются устои. Ей шестнадцать с позавчера, с дня рождения удрала! На посту Довыдов с Хвастовым пьют и крестятся до утра. II ХВАСТОВ: А что ты думаешь, Довыдов... ДОВЫДОВ: О происхожденье видов! ХВАСТОВ: Да нет... III (Молитва КОНЧИ АРГУЭЛЬО – БОГОМАТЕРИ) Плачет с сан-францисской колокольни барышня. Аукается с ней Ярославна? Нет, Кончаковна – Кончаковне посолоней! «Укрепи меня, Мать-заступница, против родины и отца, государственная преступница, полюбила я пришлеца. Полюбила за славу риска, в непроглядные времена на балконе высекла искру пряжка сброшенного ремня. И за то, что учил впервые словесам не нашей страны, что как будто цветы ночные, распускающиеся в порыве, ночью пахнут, а днем – дурны. Пособи мне, как пособила б баба бабе. Ах, Божья Мать, ты, которая не любила, как ты можешь меня понять! Как нища ты, людская вселенная, в боги выбравшая свои плод искусственного осеменения, дитя духа и нелюбви! Нелюбовь в ваших сводах законочных. Где ж исток? Губернаторская дочь, Конча, рада я, что сын твой издох!..» И ответила Непорочная: «Доченька...» Ну, а дальше мы знать не вправе, что там шепчут две бабы с тоской – одна вся в серебре, другая – до колен в рубашке мужской. IV ХВАСТОВ: А что ты думаешь, Довыдов... ДОВЫДОВ: Как вздернуть немцев и пиитов? ХВАСТОВ: Да нет... ДОВЫДОВ: Что деспоты не создают условий для работы? ХВАСТОВ: Да нет... V (Молитва РЕЗАНОВА – БОГОМАТЕРИ) «Ну, что тебе надо еще от меня? Икона прохладна. Часовня тесна. Я музыка поля, ты музыка сада, ну что тебе надо еще от меня? Я был не из знати. Простая семья. Сказала: „Ты темен“, – учился латыни. Я новые земли открыл золотые. И это гордыни твоей не цена? Всю жизнь загубил я во имя Твоя. Зачем же лишаешь последней улады? Она ж несмышлениш и малое чадо... Ну, что тебе мало уже от меня?» И вздрогнули ризы, окладом звеня. И вышла усталая и без наряда. Сказала: «Люблю тебя, глупый. Нет сладу. Ну что тебе надо еще от меня?» VI ХВАСТОВ: А что ты думаешь, Довыдов... ДОВЫДОВ: О макси-хламидах? ХВАСТОВ: Да нет... ДОВЫДОВ: Дистрофично безвластие, а власть катастрофична? ХВАСТОВ: Да нет... ДОВЫДОВ: Вы надулись? Что я и крепостник и вольнодумец? ХВАСТОВ: Да нет. О бабе, о резановской. Вдруг нас американцы водят за нос? ДОВЫДОВ: Мыслю, как и ты, Хвастов, – давить их, шлюх, без лишних слов. ХВАСТОВ: Глядь! Дева в небе показалась, на облачке. ДОВЫДОВ: Показалось... VII (Описание свадьбы, имевшей быть 1 апреля 1806 г.)

«Губернатор в доказательство искренности и с слабыми ногами танцевал у меня, и мы не щадили порохи ни на судне, ни на крепости, гишпанские гитары смешивались с русскими песельниками.

И ежели я не мог окончить женитьбы моей, то сделал кондиционный акт...»

Помнишь, свадебные слуги, после радужной севрюги, апельсинами в вине обносили не? как лиловый поп в битловке, под колокола былого, кольца, тесные с обновки, с имечком на тыльной стороне, нам примерил не? а Довыдова с Хвастовым, в зал обеденный с

восторгом впрыгнувших на скакуне, – выводили не? а мамаша, удивившись, будто давленные вишни на брюссельской простыне, озадаченной родне, – предъявила не? (лейтенантик Н застрелился не) а когда вы шли с поклоном, смертно-бледная мадонна к фиолетовой стене отвернулась не? Губернаторская дочка, где те гости? Ночь пуста. Перепутались цепочкой два нательные креста. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ РЕЗАНОВА Н. П. (Комментируют арх. крысы – игреки и иксы) № 1

«...но имя Монарха нашего более благословляться будет, когда в счастливые дни его свергнут Россияне рабство чуждым народам... Государство в одном месте избавляется вредных членов, но в другом от них же получает пользу и ими города создает...»

(Н. Резанов – Н. Румянцеву) № 2. ВТОРОЕ ПИСЬМО РЕЗАНОВА – И. И. ДМИТРИЕВУ Любезный Государь Иван Иванович Дмитриев, оповещаю, что достал тебе настойку из термитов. Душой я бешено устал! Чего ищущ? Чего-то свежего! Земли старые – старый сифилис. Начинают театры с вешалок. Начинаются царства с виселиц. Земли новые – табула рāза. Расселю там новую расу – Третий Мир – без деньги и петли, ни республики, ни короны! Где земли золотое лоно, как по золоту пишут иконы, будут лики людей светлы. Был мне сон, дурной и чудесный. (Видно, я переел синюх.) Да, случась при Дворе, посодействуй – на американочке женюсь... ЧИН ИКС: «А вы, Резанов, из куртизанов! Хихикс...» № 3. ВЫПИСКА ИЗ ИСТОРИИ гг. ДОВЫДОВА И ХВАСТОВА Были петербуржцы – станем сыктывкарцы. На снегу дуэльном – два костра. Одного – на небо, другого – в карцер! После сатисфакции – два конца! Но пуля врезалась в пулю встречную. Ай да Довыдов и Хвастов! Враги вечные на братство венчаны. И оба – к Резанову, на Дальний Восток. ЧИН ИГРЕК: «Засечены в подпольных играх». ЧИН ИКС: «Но государство ценит риск».

«15 февраля 1806 г. Объясняя вам многие характеры, приступаю теперь к прискорбному для меня описанию г. Х... главного действующего лица в шалостях и вреде общественном и столь же полезного и любезного человека, когда в настоящих он правилах... Вступая на судно, открыл он то пьянство, которое три месяца кряду продолжалось, ибо на одну свою персону, как из счета его в заборе увидите, выпил 9½ ведер французской водки и 2½ ведра крепкого спирту, кроме отпусков другим, и, словом, споил с кругу корабельных, подмастерьев, штурманов и офицеров. Беспросыпное его пьянство лишило его ума, и он всякую ночь снимается с якоря, но к счастью, что матросы всегда пьяны...»

(Из Второго секретного письма Резанова)

«17 июня 1806 г. Здесь видел я опыт искусства Лейтенанта Хвостова, ибо должно отдать справедливость, что одною его решимостью спаслись мы, и столько же удачно вышли мы из мест, каменными грядами окруженных».

Резанов – министру коммерции РАПОРТ Мы – Довыдов и Хвастов, оба лейтенанты. Прикажите – в сто стволов жажнем латинянам! «Стоп, Довыдов и Хвастов!» – «Вы мягки, Резанов». – «Уезжаю. Дайте штоф. Вас оставляю в замах». В бой, Довыдов и Хвастов! Улетели. Рапорт: «Пять восточных островов Ваши, Император!»

«Я должен отдать справедливость искусству гг. Хвостова и Давыдова, которые весьма поспешно совершили рейсы их...»

«18 октября 1807 г. Когда я взошел к Капитану Бухарину, он, призвав караульного унтер-офицера, велел арестовать меня. Ни мне ни Лейтенанту Хвостову не позволялось выходить из дому и даже видеть лицо какого-либо смертного... Лейтенант Хвостов впал в опасную горячку.

Вот картина моего состояния! Вот награда, если не услуг, то по крайней мере желаний оказать оные. При сравнении прошедшей моей жизни и настоящей сердце обливается кровью и оскорбленная столь жестоким образом честь заставляет проклинать виновника и самую жизнь.

Мичман Довыдов». (Выписка из «Донесения Мичмана Давыдова на квартире уже под политическим караулом») № 4. РЕЗАНОВ – И. И. ДМИТРИЕВУ Зрю тысячу чудес. Из тысячи Вам посылаю круг мистический: из Тьмы рождаясь, Жизнь сия вновь канет в Тьму небытия... № 5. МНЕНИЕ КРИТИКА ЗЕТА: От этих модернистских оборотцев Резанов ваш в гробу перевернется! МНЕНИЕ ПОЭТА: Перевернется, – значит, оживет. Живи, Резанов! «Авось», вперед! № 6. ЧИН ИГРЕК: Вот панегирик:

«Николай Резанов был прозорливым политиком. Живи Н. Резанов на 10 лет дольше, то, что мы называем сейчас Калифорнией и Американской Британской Колумбией, были бы русской территорией».

Адмирал Ван Дерс (США)

ЧИН ИКС:

Сравним, что говорит нам Головин:

«Сей г. Резанов был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имеющий голову более способную создавать воздушные замки в кабинете, нежели к великим делам, происходящим в свете...»

Флота Капитан 2-го ранга и кавалер В. М. Головин ЧИП ИКС: «А вы, Резанов, пропили замок. Вот Иск.» № 7.
ИЗ ПИСЬМА РЕЗАНОВА – ДЕРЖАВИНУ Тут одного гишпанца угораздило по-своему переложить Горация. Понятно, это не Державин, но любопытен по терзаньям: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный. Увечный наш бранный разум цепляется за пирамиды, статуи, памятные места – тщета! Тыща лет больше, тыща лет меньше – но далее ни черта! Я – последний поэт цивилизации. Не нашей, римской, а цивилизации вообще. В эпоху духовного кризиса и цифиризации культура – позорнейшая из вещей. Позорно знать неправду и не назвать ее, а назвавши, позорно не искоренять, позорно похороны называть свадьбою, да еще кривляться на похоронах. За эти слова меня современники удавят. А будущий афро-евро-американо-азиат с корнем выроет мой фундамент, и будет дыра из планеты зиять. И они примутся доказывать, что слова мои были вздорные. Сложат лучшие песни, танцы, понапишут книг... И я буду счастлив, что меня справедливо вздернули. Это будет тот еще памятник!» № 8

«16 августа 1804 г. Я должен так же Вашему Императорскому Величеству представить замечания мои о приметном здесь уменьшении народа. Еще более препятствует размножению жителей недостаток женского полу. Здесь теперь более нежели 30-ть человек по одной женщине. Молодые люди приходят в отчаянье, а женщины разными по нужде хитростями вовлекаются в распутство и делаются к деторождению неспособными».

(Из письма Н. Резанова Императору) ЧИН ИКС: «И ты, без женщин забуревший, на импорт клюнул зарубежный!! Раскис!» № 9

«Предложение мое сразило воспитанных в фанатизме родителей ея, разность религий и впереди разлука с дочерью было для них громовым ударом».

Отнесите родителям выкуп за жену: макси-шубу с опушкой из выхухоля, фасон «бабушка-инженю», принесите кровать с подзорами, и, как зрящий сквозь землю глаз, принесите трубу подзорную под названием «Унитаз» (если глянуть в ее окуляры, ты увидишь сквозь шар земной трубы нашего полушария, наблюдающие за тобой), принесите бокалы силезские из поющего хрустала, ведешь влево – поют «Марсельезу», ну а вправо – «Храни короля», принесите три самых желанья, что я прятал от жен и друзей, что угрюмо отдал на заклятие авантюрной планиде моей!.. Принесите карты открытий, в дымке золота как пыльца, и, облив самогоном, – сожгите у надменных дверей дворца!

«...они прибегнули к Миссионерам, те не знали, как решиться, возили бедную Концепсию в церковь, исповедовали ее, убеждали к отказу, но решимость с обеих сторон наконец всех успокоила. Святые отцы оставили разрешению Римского Престола, и я принудил помолвить нас, на что соглашено с тем, чтоб до разрешения Папы было сие тайною».

№ 10. ЧИН ИКС: «Еще есть образ Божьей Матери, где на эмальке матовой автограф Их-с...»

«Я представлял ей край Российской посуровее и притом во всем изобильной, она была готова жить в нем...»

№ 11. РЕЗАНОВ – КОНЧЕ Я тебе расскажу о России, где злодействует соловей, сжатый страшной любовной силой, как серебряный силомер. Там храм Матери Чудотворной. От стены наклонились в пруд белоснежные контрофорсы, будто лошади воду пьют. Их ночная вода поила вкусом чуда и чабреца, чтоб наполнить земною силой утомленные небеса. Через год мы вернемся в Россию. Вспыхнет золото и картечь. Я заставлю, чтоб согласились царь мой, Папа и твой отец! VIII (В сенате) Восхитились. Разобрались. Заклеймили. Разобрались. Наградили. Вознесли. Разобрались. Взревновали. Позабыли. Господи благослови! А Довыдова с Хвостовым посадили. IX (Молитва БОГОМАТЕРИ – РЕЗАНОВУ) Светлый мой, возлюбленный, студится тыща восемьсотая весна! Мать от Любви Своей Отступница, я перед природою грешна. Слушая рождественские звоны, думаешь, я радостна была? О любви моей незарожденной похоронно бьют колокола. Надругались. А о бабе позабыли. В честь греха в церквях горят светильни. Плоть не против Духа, ибо дух – то, что возникает между двух. Тело отпусти на покаяние! Мои церкви в тыщи киловатт загашу за счастье окаянное губы в табаке поцеловать! Бог, Любовь Единая в двух лицах, воскреси любую из марусь... Николай и наглая девица, вам молюсь! ЭПИЛОГ Спите, милые, на шкурах росомаховых. Он погибнет в Красноярске через год. Она

выбросит в пучину мертвый плод, станет первой сан-францисскою монахиней.